

Императрица подняла уголки губ в усмешке: Хунъюй ненадежен, а на ребенка Ань Линжун и вовсе надежды нет. Ныне в этом гареме лишь дитя во чреве Чжэнь Хуань может стать опорой для Нашей воли. Происхождением она не вышла, милость императора непостоянна, сейчас же в гареме у нее нет ни опоры, ни заступников. Стоит Нам лишь протянуть ей руку, защитить дитя под ее сердцем, как она неминуемо привяжется к Нам.

Она давным-давно все обдумала: если Чжэнь Хуань родит принца, его в будущем можно будет воспитывать при наших коленях, и со статусом законного наследника у него непременно появится шанс побороться за престол.

— Поди, — распорядилась Императрица. — Выбери лучшие снадобья для сохранения плода, шелка и нефритовые изделия, отправь все в Беседку Осколков Нефрита. И передай, дескать, Я сочувствую ей, носящей под сердцем дитя и претерпевающей тяготы, пусть она спокойно бережет беременность; пока Я здесь, никто не посмеет ее обидеть.

— Слушаю вашу волю, служанка повинуется, — Цзянь Цю удалилась.

Однако И Сю вовсе не собиралась так просто сдаваться. Чрево Чжэнь Хуань было ее надеждой и одновременно козырной картой для реванша.

Внутри Беседки Осколков Нефрита Чжэнь Хуань смотрела на дары, присланные из Дворца Цзинжэнь, и ее пальцы легко касались собственного округлившегося живота, а на сердце царили смутные, трудноразличимые чувства.

Цзинь Си тихо произнесла:

— Матушка, Императрица издревле славилась холодностью и черствостью, а ныне вдруг выказывает такую благосклонность — боюсь, за этим таится недобрый умысел.

Чжэнь Хуань легко улыбнулась, и голос ее прозвучал мягко:

— Какой именно умысел она преследует, как мне не знать? Потеряв Третьего принца, она возжелала перенести свои планы на моего ребенка, желая сделать из меня орудие в чужих руках, вот и все.

— Только вот ныне в гареме род Нянь силен и влиятелен, а Благородная супруга Вэнь хранит холодное молчание. Они используют друг друга, каждая берет то, что ей нужно, и пока еще неясно, кто одержит победу, а кто проиграет.

Осенние холода уже вступили в свои права, а процессия для жертвоприношения Небу у Алтаря Неба заполнила всю Императорскую улицу. Юнчжэн в сопровождении Императрицы И Сю вошел на паланкин и тронулся в путь.

Согласно предписаниям предков, дворец предстояло покинуть на семь дней. Перед отъездом

было четко объявлено, что Благородная супруга Вэнь Ань Линжун ведает распоряжениями по текущим делам и наказаниями дворцовой челяди, а Благородная супруга Хуа Нянь Шилань — церемониальным уставом и досмотром дворцовых покоев. Обе женщины совместно управляли делами гарема, поддерживая в нем мир и порядок.

Перед самым восхождением на паланкин Императрица отвела Цзянь Цю в сторону и тихо отдала ей несколько секретных распоряжений. На словах та направлялась в Беседку Осколков Нефрита заботиться о благородной наложнице Вань Чжэнь Хуань, но на деле ей был вручен высочайший указ на время отъезда: на период жертвоприношения Небу во главе угла в гареме должен был стоять покой, строго запрещалось супруге Хуа чинить беспокойство наложницам, а особенно — оберегать драгоценный плод во чреве Чжэнь Хуань. Если же уроженка рода Нянь затеет смуту, надлежало урезонить ее именем главы дворца.

Едва кортеж Императора удалился, во Дворце Кунькун тут же зазвучало властное величие новой власти.

Каждое утро в часы мао Нянь Шилань восседала в главном зале и приказывала всем наложницам шести дворцов без исключения являться на выговор.

От низших ступеней в рангах — даин и чанцзай — до обладательниц высоких титулов пинь и гуйжэнь, вне зависимости от того, были ли те близки или удалены, чувствовали ли себя здоровыми или немощными, все были обязаны вовремя спешить во Дворец Кунькун, чтобы выслушивать ее придижки к дворцовым правилам и упреки в оплошностях, не имея возможности передохнуть долгие часы напролет.

Наложницы гарема страдали невыносимо, но, гневаясь в душе, не смели произнести ни слова.

В Беседке Осколков Нефрита Чжэнь Хуань носила ребенка уже пятый месяц, и лекарь неоднократно наставлял ее, что необходим полный покой и охрана плода, не позволялось терпеть ни малейшей усталости или испуга.

Однако из Дворца Кунькун трижды на дню слали гонцов с вызовами, а в словах Чжоу Нинхая сквозила крайняя заносчивость. Цзянь Цю стояла у галереи, хмуря брови, и когда Чжоу Нинхай в третий раз позволил себе затянуть прежнюю песню, наконец шагнула вперед, выступая в статусе старшей дворцовой служанки главы гарема.

— Дерзость! — лицо Цзянь Цю было суровым, она бросила косой взгляд на Чжоу Нинхая. — Перед отъездом Императрица лично передала высочайшую волю: нынешнее жертвоприношение Небу — величайший государственный обряд, и в гареме должно царить сосредоточенное спокойствие, недопустимы ни сборища с криками, ни утомление наложниц. Благородная наложница Вань носит в чреве драгоценное семя, ее зародыш тяжел, и лекари вновь и вновь предостерегали от ветров и усталости. Разве может она подчиняться столь бессмысленным нравоучениям?

Она сделала небольшую паузу и возвысила голос так, чтобы он был слышен всем прибывшим

из Дворца Кунькун:

— Я исполняю волю Императрицы и передаю повеление шести дворцам: на все семь дней жертвоприношения наложницы, ждущие ребенка или нездоровые, освобождаются от любых дел. Если же у Благородной супруги Хуа или Благородной супруги Вэнь возникнут вопросы касательно дворцовых правил, пусть пришлют человека передать весть, нечего утруждать всех общим сбором. Нарушительница же пойдет против высочайшего указа главы гарема, что приравнивается к презрению к установлениям предков!

Лицо евнуха, пришедшего с вызовом, побелело как полотно, он опустился на колени и принялся один за другим бить поклоны.

Когда весть донесли обратно до Дворца Кунькун, Нянь Шилань пришла в ярость от того, что Императрица оставила за собой столь надежный заслон, и с размаху швырнула чайную чашку на стол — кипяток брызнул, забрызгав ей подол:

— Указ Императрицы? Она ведь уже покинула дворец, а туда же — вздумала указывать Моим порядкам! Всего лишь защищает эту тварь Чжэнь Хуань!

Сун Чжи, стоявшая рядом, в испуге принялась ее уговаривать:

— Госпожа, Цзянь Цю — старшая служанка подле Императрицы, она явилась с высочайшим указом. Если мы ослушаемся и нас обвинят в непочтении к хозяйке дворца, когда Император вернется, он непременно нас накажет...

Пусть Нянь Шилань и отличалась высокомерием, она понимала, что открыто противиться воле Императрицы нельзя, тем более что учинять смуту во время жертвоприношения Небу значило изначально нарушить табу самого Сына Неба.

В конце концов ей оставалось лишь затаить скрытую злобу и отослать слуг:

— Довольно! Пусть Чжэнь Хуань прячется день за днем, у Меня еще найдется немало способов известить ее.

После этого случая изнурительные ежедневные нравоучения супруги Хуа прекратились разом, и наложницы гарема наконец смогли перевести дух. Что же до Чжэнь Хуань, она спокойно и безмятежно лежала на ложе, предаваясь покою, и дитя под ее сердцем развивалось мирно и здорово.

Во Дворце Юншоу Ань Линжун прижимала к груди пеленальный сверток с Хунъюем и, сидя в теплой комнате, наблюдала, как кормилица готовит прикорм. Цин Лань, стоявшая рядом, тихо произнесла:

— Госпожа, Цзянь Цю с помощью указа Императрицы укротила строптивость Благородной супруги Хуа, и благородной наложнице Вань в конце концов стало спокойно.

Ань Линжун опустила взгляд и легко похлопала Хунъюя по спинке:

— Императрица изначально возлагала надежды на дитя во чреве Чжэнь Хуань, само собой, она не позволила бы супруге Хуа разрушить ее расчеты. Усмирить все властью из главного дворца и соблюсти приличия — это куда надежнее, чем если бы я сама вышла на передний край.

Сейчас она желала лишь одного: спокойно вырастить Хунъюя, и время ввязываться в эту смутную воду еще не пришло.

На пятый день жертвоприношения Небу секретный указ из Дворца Янсинь помчался на быстрых конях к чиновникам внешнего двора:

Нянь Гэнъюо предавался гордыне из-за заслуг, проявлял высокомерие и нарушал правила, завязывал клики и расшатывал государственное управление. Вина его была доказана неопровержимо, и его немедленно лишали звания Великого полководца, умиротворяющего дальние рубежи, и титула герцога первого ранга, разжаловав в стражники у Полуденных ворот. Начиная с этого дня он должен был отбыть к месту службы, и без высочайшего повеления ему строго запрещалось покидать пределы Пекина хоть на полшага.

Из главнокомандующего тремя армиями, вершившего судьбы на Северо-Западе, он пал до ничтожного стражника у дворцовых ворот — пропасть между небом и землей пролегла всего за одно мгновение.

Принимая указ, Нянь Гэнъюо без сил рухнул на землю и, глядя в сторону Пекина, наконец осознал, что находится рядом с монархом — все равно что спать рядом с тигром, а прежние милости и почести служили лишь подготовкой к сегодняшней расчистке счетов и отъему власти.

Когда весть докатилась до гарема, во Дворце Кунькун воцарилось полнейшее замешательство.

Услышав, что ее старшего брата разжаловали в стражники у Полуденных ворот, Нянь Шилань в неверии вцепилась в подлокотники кресла и, растеряв всю душу, пробормотала:

— Как мог Император так поступить со мной и с моим родом Нянь! Брат мой усмирил Северо-Запад, его заслуги перед государством неизмеримы, а его сослали в столь жалкое положение всего за пару мелких проступков.

Сун Чжи и служанки падали на колени, пытаясь ее утешить, но ни одна не была способна унять ее отчаяние.

Она наконец поняла, что та императорская милость, которой она так гордилась, оказалась лишь мыльным пузырем, и род Нянь пал окончательно.

По прошествии семи дней обряд жертвоприношения Небу завершился, и императорский кортеж с Императором и Императрицей вернулся во дворец.

Сын Неба выглядел невозмутимым, не задав о супруге Хуа ни единого вопроса, зато он отдельно призвал Ань Линжун во Дворец Янсинь, похвалив ее за твердость в управлении гаремом и рассудительность в делах, и щедро одарил бесчисленными сокровищами и шелками.

Императрица стояла неподалеку, наблюдая за доверием правителя к Ань Линжун и бросая взгляды на невредимую Чжэнь Хуань, и вдогонку словам Юнчжэна произнесла несколько хвалебных фраз.

Не прошло и трех дней после того, как Нянь Гэньяо разжаловали в стражники у Полуденных ворот,

как он, облаченный в дарованную лично Юнчжэном желтую императорскую кофту, надетая поверх одеяний привратника императорской гвардии, встал прямо посредине Полуденных ворот.

Когда об этом доложили во Дворец Янсинь, Юнчжэн как раз просматривал доклады из различных регионов, и его лицо мгновенно потемнело.

— Нянь Гэньяо дошел до такого безумия, он заслуживает смерти!

Вся его сдерживаемая долгими днями скрытая ярость и недовольство выплеснулись наружу. Тут же схватив кисть, он подписал три указа подряд: взять Нянь Гэньяо под стражу и бросить в темницу, постановив тщательно проверить девяносто два пункта обвинения, предать казни по окончании осенних судебных разбирательств, конфисковать все имущество клана Нянь, а Нянь Сина и Нянь Фу обезглавить, обратив женщин рода в прачки.

Не прошло и полдня, как особняк Нянь был окружен солдатами. Крики о помощи и звон цепей огласили улицы и переулки — некогда ослепительный и могущественный род Нянь был полностью стерт с лица земли.

Као Циньмо, что годами прислуживала супруге Хуа, проявляя предельную осторожность и трепет, прижала к груди стопу толстых свитков с перечислением прегрешений и опустилась на колени перед Дворцом Янсинь, испрашивая аудиенции.

Все эти годы она строила козни ради супруги Хуа, и на ее счету числилось бесчисленное множество грязных дел; с падением супруги Хуа следующим бедствием неминуемо должно было накрыть ее саму. Лишь опередив события и ударив в спину, разоблачив преступления супруги Хуа и очистив себя от сопричастности, она могла выторговать себе путь к выживанию перед лицом Императора и даже ступить на обломки павшей госпожи, чтобы подняться еще выше и вернуть себе Вэньи.

После доклада евнуха Као Циньмо была допущена в покои. Низко опустив голову, она заговорила голосом, в котором звучал ровно тот испуг и та обида, какие были нужны:

— Эта ничтожная наложница виновна перед смертью, умоляю Императора о милосердии!

Юнчжэн сидел за массивным столом, беззаботно пролистывая меморандумы:

— В чем же твоя вина?

— Эта ничтожная... эта ничтожная прежде неизменно была принуждаема Благородной супругой Хуа и не смела поступать по своей воле. Во дворце та бесчинствовала, губила наложниц и вмешивалась в государственные дела. Каждое такое дело эта служанка видела своими глазами, но из страха перед ее могуществом не смела открыться Императору, изнемогая от страха денно и нощно, не находя покоя ни во сне, ни наяву. — Голос Као Циньмо слегка дрожал, и она воспользовалась случаем, чтобы поднять свитки с доносом высоко над головой. — Ныне же эта служанка больше не смеет скрывать правду: все злодеяния, что Благородная супруга Хуа вершила эти годы, целиком записаны в сем свитке, умоляю Императора рассудить всё по справедливости!

Су Пэйшэн выступил вперед, принял свитки и передал их Юнчжэну.

Сын Неба медленно развернул бумаги. Свиток был исписан густым почерком: там черным по белому значилось и убийство наложниц, и урезание пайков шести дворцов, и получение взяток с подкупом чиновников, и вмешательство в назначение чиновников внешнего двора с использованием влияния Нянь Гэнъяо — всё было расписано со всей ясностью.

В каждом слове и каждой строчке Као Циньмо обличала злобу супруги Хуа, выбеливая себя дочиста и заявляя лишь то, что она оказалась загнана в угол и вынуждена подчиняться принуждению Благородной супруги Хуа, из-за чего была обязана помогать ей со стороны.

Она стояла на коленях, прислушиваясь к шелесту переворачиваемых за столом страниц, и сердце ее отчаянно колотилось.

Однако долгое ожидание не принесло успокоения от Императора — она услышала лишь тяжелый звук захлопнувшегося на столе свитка.

Юнчжэн поднял взгляд, и в его глазах, устремленных на нее, читалось неприкрытое отвращение:

— Као Циньмо, а язык у тебя подвешен неплохо.

Сердце Као Циньмо пропустило удар, и она в панике ударила челом о пол:

— Эта ничтожная не смеет обманывать Императора, каждое слово в сем свитке истинно, и если найдется хоть доля лжи, эта служанка готова понести смерть!

— Каждое слово истинно? — Юнчжэн холодно усмехнулся, и в голосе его зазвучало нетерпение. — Все те злодеяния, что натворила супруга Хуа, происходили при твоём ближайшем участии, в каждом из них есть твоих рук дело. Когда она была в силе, ты верноподданно бегала за ней и строила планы, помогая ей вредить людям; теперь же, когда род Нянь пал, а она утратила власть, ты первой выскочила, чтобы укусить ее в ответ, свалив всю вину на нее и выставив себя чистенькой?!

Лицо Као Циньмо мгновенно лишилось всяких красок, она затряслась всем телом и уже не могла связать и пары слов:

— Император... эта ничтожная и вправду была вынуждена подчиняться, Благородная супруга Хуа шантажировала меня Вэньи... эта служанка...

— Вынуждена подчиняться? — Юнчжэн прервал ее, выплеснув на эту предавшую свою хозяйку ради собственной выгоды женщину все накопившиеся за дни обиды на клан Нянь. — Мой гарем меньше всего терпит таких злобных, коварных и неблагодарных тварей, как ты! Полная интриг и расчетов, когда хозяйка сильна — ты заглядываешь ей в рот, когда та терпит бедствие — спешишь ударить ее исподтишка. Оставить тебя в гареме — значит вырастить заразу!

У него не было ни малейшего терпения слушать оправдания Као Циньмо:

— Су Пэйшэн, передай Мою волю. Као Циньмо вынашивает злые замыслы, немедленно бросить ее в Холодный дворец, а в родословной таблице Вэньи матерью записать наложницу Цзин.

— Нет! Император! Эта служанка невиновна! — Као Циньмо окончательно потеряла рассудок. Она никак не ожидала, что ее тщательно продуманный донос принесет ей не повышение, а заточение в Холодном дворце.

Словно обезумев, она поползла вперед, пытаясь схватить императора за полу халата, но евнухи намертво прижали ее к полу:

— Император! Эта служанка принесла пользу! Я разоблачила преступления супруги Хуа, я заслужила награду! Помилуйте, Император!

Юнчжэн даже не взглянул на нее, лишь взмахнул рукой, словно сгоняя назойливую муху:

— Уволочь.

Вопли Као Циньмо пронеслись по всему Дворцу Янсинь, но вскоре ей заткнули рот, и крики затихли вдали, окончательно растворившись в конце дворцового коридора.

Разобравшись с Као Циньмо, Юнчжэн окинул взглядом свиток с обвинениями, и лицо его стало еще мрачнее.

О многих вещах, подробно расписанных в докладе, он слышал и раньше, но прежде закрывал на них глаза.

Он тут же взял кисть и набросал высочайший указ: Благородная супруга Хуа Нянь Шилань, ослепленная властью и заносчивая, губившая наложниц и вмешивавшаяся в государственные дела, отягощена тяжкими грехами. Сим лишается титула благородной супруги и разжалуется в чанцзай, с заточением во Дворце Кунькун без права выхода по повелению. Всю дворцовую челядь распустить, оставив лишь двух старых и немощных служанок для ухода.

Указ для Дворца Кунькун последовал незамедлительно, и вестник зачитал его холодным и жестким тоном, не оставляя ни капли человеческого участия.

Нянь Шилань уже превратилась в безжизненную тень; даже не опустившись на колени для принятия указа, она развернулась и молча ушла вглубь своих покоев.

Невозможно... Император не мог так со мной поступить... — бессвязно шептала она губами.

Прежние дворцовые почести и богатства растворились в мгновение ока.

Нянь Шилань сидела на ледяном полу, глядя на опустевшие покои, и все еще отказывалась признавать поражение.

Она не верила, что у Императора не осталось к ней ни капли чувств. Ей хотелось отправиться во Дворец Янсинь, чтобы умолять о милости, но она не могла выйти даже за порог Дворца Кунькун. Она ждала, что, когда гнев Императора утихнет, он вспомнит о прошлых чувствах и пощадит жизнь Нянь Гэньяо.

Однако дождалась она вовсе не монаршего милосердия, а Императрицы.

И Сю в парадном облачении неспешно шагнула в обветшавший Дворец Кунькун и, глядя на потерявшую всякий человеческий облик Нянь Шилань, не испытывала ни малейшей жалости — лишь холод, скопившийся за долгие годы подавления.

— Чанцзай Нянь, неужто теперь ты все еще надеешься, что Император изменит свое решение?

Нянь Шилань подняла взгляд, и глаза ее источали яд:

— Это ты! И Сю, тварь! Это ты плела интриги перед Императором!

— Плела интриги? — Императрица легко рассмеялась и приблизилась шагом, а голос ее звучал не громче пушинки, но каждое слово сочилось ядом. — Падение рода Нянь — кара за собственную дурость Нянь Гэньяо, и к Нам это не имеет никакого отношения. Мы пришли сюда сегодня лишь за тем, чтобы ты умерла с открытыми глазами.

Она наклонилась ближе к уху Нянь Шилань и тихо, так, чтобы расслышали лишь они двое, поведала тайну, что скрывалась больше десяти лет:

— Хуаньсян, которую жгли в твоих покоях изо дня в день, — это личный секретный рецепт Императора, в который примешано вдоволь мускуса. За всю свою жизнь ты никогда не смогла бы родить ребенка. Твой давнишний выкидыш не был случайностью или делом рук кого-то чужого — это сам Император собственноручно пресек твои надежды на потомство. Он жаловал тебя милостью вовсе не за твои очи, а за военную силу в руках твоего брата. Теперь же род Нянь погиб, и ты... стала бесполезна.

Бух!

Эти слова окончательно разрушили последнюю крошечную иллюзию Нянь Шилань.

Она вспомнила все те годы мучений в бесплодных попытках зачать, вспомнила ласковые обещания Императора и исключительную благосклонность Хуаньсян, принадлежавшую ей одной — оказывается, всё это было лишь отравой в сахарной глазури. Мужчина, которого она любила всей душой, с самого начала рассчитывал и уничтожал ее, самыми нежными способами лишив права стать матерью и разрушив всю ее жизнь.

Она вдруг рассмеялась, и слезы уже вовсю текли по ее лицу — сколь же смешной оказалась вся ее жизнь.

— Император... до чего же ты жесток... — смех Нянь Шилань звучал надрывно и скорбно. — Как же горько ты заставил страдать Шилань, Император!

Произнеся эти слова, она, словно обезумев, бросилась на стоявшую в покоях алую балку из дерева нанму.

Раздался глухой, страшный удар, и алая кровь брызнула на холодный синий кирпич, поражая воображение своей яркостью.

Перед самой смертью Нянь Шилань уставилась на И Сю, и на ее губах застыла насмешка, а дыхание едва теплилось:

— Думаешь... твоя участь будет лучше моей? Столь безжалостный к со мной, разве станет он дорожить тобой...

С этими словами ее дух окончательно угас, унося с собой бесконечную горечь и отчаяние в небытие.

И Сю никак не ожидала, что Нянь Шилань выберет столь жестокую смерть. Слова, сказанные той перед кончиной, эхом отдавались в ее голове, нагоняя все большую тревогу, и она поспешно покинула Кунькун.

Свечи во Дворце Янсинь вздрагивали от сквозняков, и Юнчжэн как раз закончил ставить киноварные резолюции на докладе о ссылке оставшихся соратников клана Нянь в Нингуту, когда за дверью послышались шаги Су Пэйшэна.

— Император... — Су Пэйшэн рухнул ниц перед ступенями тронного места, прижимая лоб к синему кирпичу так крепко, что голос его едва можно было расслышать: — Во Дворце Кунькун... Чанцзай Нянь... госпожа Нянь бросилась на стену и покончила с собой.

Рука Юнчжэна, державшая кисть, на миг замерла, и темная капля сорвалась с кончика, расплывшись на желтом шелке доклада некрасивым, резким черным пятном.

Он не поднял глаз, не издал грозного окрика и даже не качнул плечами, лишь застыл в прежней позе с кистью в руке.

Никто не смел угадывать мысли Императора в этот момент.

Лишь он сам знал, как в сердце неожиданно кольнула тончайшая, едва уловимая горечь — столь стремительная, будто сметенная ветром пыль.

Он вспомнил Нянь Шилань времен проживания в резиденции принца — не надменную и своенравную Благородную супругу Хуа позднейших дней, а яркую, дерзкую младшую дочь семьи Нянь, что скакала на лошади с сияющей улыбкой и, наклонившись, протягивала ему бурдюк с горячим вином, а в глазах ее плескалась чистая, неприкрытая радость.

Он и впрямь искренне жаловал ее, потакая ее капризам и даруя исключительные милости, но с той самой минуты, как брат ее, Нянь Гэнъяо, сосредоточил в своих руках всю военную мощь Северо-Запада, эта привязанность была обречена сгинуть под жерновами императорской власти.

— Знаю.

Лишь спустя долгое время Юнчжэн заговорил вновь, и в голосе его нельзя было расслышать ни радости, ни гнева.

— Названная сестра преступника остается родственницей преступника, но раз жизнь оборвалась, похоронить по чину благородной супруги, все сделать просто, без шума.

Для него смерть Нянь Шилань была лишь финальной точкой в крушении рода Нянь.

А те жалкие остатки прежних чувств — не более чем пыль, недостойная упоминания в глубоких красных стенах дворца, которую первый же порыв ветра разносит без следа.

На утреннем совещании в тот же день Юнчжэн передал устный приказ: повелеть гражданским и военным чиновникам повсеместно сочинять оды и стихи, осуждающие чудовищные преступления Нянь Гэнъяо, дабы явить миру незыблемость монаршего порядка и заставить всю полноту чиновников склонить головы в повиновении.

Придворные сановники, угадывая высочайшую волю, наперебой громоздили изысканные слова, изошряясь в упреках и хуле, словно желая втоптать Нянь Гэнъяо в самую грязь.

Лишь Чжэнь Юаньдао, прямой по природе и хранивший учености благородный дух, презирал подобные подхалимские попытки пнуть упавшего.

Он прямо в зале суда высказался о том, что Нянь Гэньяо уже понес наказание и ответил по закону, государственных законов явлено вдосталь, и нет нужды принуждать чиновников к обличению, что выглядит лишь излишне мелко.

Эти слова угодили прямоком в обратную сторону императорских чаяний. Зачищая клику Нянь, Сын Неба жаждал вовсе не справедливости, а абсолютной покорности от всех чиновников Поднебесной, а прямота и несгибаемость Чжэнь Юаньдао казались ему открытым неповиновением и пренебрежением к монаршему величию.

Лицо Юнчжэна мгновенно омрачилось, и он прямо при дворе отчитал Чжэнь Юаньдао за непонимание общегосударственных интересов и скрытый умысел, после чего взмахнул рукавом и распустил заседание, а в его глазах больше не таилось притворства — лишь холодное отвращение.

Эту сцену от начала до конца подметил Гуарча Эминь. Эминь издавна не ладил с Чжэнь Юаньдао и давно зарился на власть в его руках, выжидая момент, чтобы сокрушить семью Чжэнь.

Теперь же, уловив монаршую немилость, он ухватился за представившийся шанс и в ту же ночь состряпал фальшивые улики, выдумав обвинения в том, что Чжэнь Юаньдао тайком критикует государственные дела и скрывает у себя остатки клики Нянь. Стопки улик полетели во Дворец Янсинь, и каждая строчка в них была по подозрительности Правителя.

Юнчжэн, и без того питавший недовольство, едва взглянув на эти наветы и не разбирая, где правда, а где ложь, издал сокрушительный указ: Чжэнь Юаньдао идет против воли государя и плетет клевету во вред народу, немедленно лишить его должности, бросить в темницу для допроса с пристрастием, все имущество клана Чжэнь конфисковать, а родных сослать в Нингуту без права когда-либо вернуться в столицу.

Когда весть докатилась до гарема, Чжэнь Хуань как в тумане покоилась на мягком ложе в Беседке Осколков Нефрита, нежно глядя свой налившийся за месяц до срока живот и ожидая родов.

Слуги во дворе с криками бросились в покои, слово за словом выкладывая перемены во внешнем дворе. Чжэнь Хуань замерла, будто пораженная молнией, ее тело затряслось в мелкой дрожи, а рука, опиравшаяся о ложе, вмиг утратила силу.

— Не может быть... мой отец всего лишь отказался слагать угоднические стихи, храня верность собственному сердцу, с какой стати это стало противлением воле государя и покровительством остатков смуты?! — Она оперлась руками о постель, пытаясь подняться, а в ее глазах плескалось отчаяние и лихорадочный страх. — Я должна пойти во Дворец Янсинь, умолять Императора разобраться, умолять Императора пощадить семью Чжэнь!

Хуань Би, услышав это, тоже встревожилась, но едва ее слова сорвались с губ, как внизу живота Чжэнь Хуань вспыхнула разрывающая душу боль от схваток. Околоплодные воды хлынули, пачкая подол, и острая боль пронзила все тело, заставив ее ноги подкоситься и рухнуть.

— Госпожа! Она рожает! — Цзинь Си от ужаса едва не лишилась рассудка, поспешно подхватив ее и громко приказав слугам звать повитух и лекаря Вана.

Охваченная ужасом и тревогой душа запечатала дыхание, и роды Чжэнь Хуань начались с чрезвычайной опасностью.

<http://bllate.org/book/21976/2283856>